

Пунегова Галина Васильевна

**ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ИНТЕРФЕРИРОВАННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ КОМИ
БИЛИНГВОВ**

Работа посвящена исследованию фонетической интерференции в русской речи коми билингов. Описаны особенности реализации заднеязычных согласных и их вариантов, возникающих в неродной речи коми билингов в результате влияния контактирующих языков. Реализация заднеязычных согласных в потоке речи представлена в виде комплекса характеристик по ряду признаков. Совмещение этих характеристик дает наглядную картину общего и особенного в произносительных нормах сопоставляемых языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 107-111. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

На практике составление всеобъемлющей классификации аргументов вызывает большие сложности. «Подобно большинству делений сложных классов объектов, здесь трудно рассчитывать на создание естественной, а значит, единственной, классификации, подобной классификации растений К. Линнея или периодической системе химических элементов Д. И. Менделеева. В лингвистике может оказаться полезной одна классификация, в логике другая и т.д.» [Ивин 2003: 17-18] Более того, внутри лингвистики для разных целей могут быть составлены разные классификации, поскольку очевидно, что виды рекламных аргументов существенно отличаются от видов судебных, а доводы для научной статьи изыскиваются не так, как для поздравительной речи. Однако каковой бы ни оказалась эта классификация в конкретной риторике, она должна включать на равных условиях аргументы к логосу (рациональные) и аргументы к пафосу (риторические).

На самом деле вся суть разногласий между логикой и риторикой сводится к вопросу: с какой целью оратор прибегает к аргументации? Логика видит одну единственную достойную цель: поиск и доказательство истины. Для достижения этой цели рациональная аргументация, действительно, является универсальной. Риторика ставит целью воздействовать на человека, убедить его согласиться с позицией оратора (или побудить к совершению определенного действия). Для достижения этой цели рациональные аргументы не только не являются универсальными (в любом смысле), но и должны быть оценены как довольно слабые, неэффективные. Именно поэтому рациональные и эмоциональные аргументы равны, имеют одинаковое право на существование.

Среди рациональных могут быть выделены две группы аргументов. К первой относятся теоретические доказательства - положения, доказанные и установленные наукой. Они опираются на рассуждение и не прибегают к непосредственным ссылкам на опыт. К второй группе относятся практические аргументы (факты, статистика, ссылки на законы, документы, постановления и др.). Они опираются на эмпирические данные, их неотъемлемым элементом является ссылка на опыт. Границы между этими видами аргументов, конечно, зыбкие и нечеткие, поскольку может быть обнаружено весьма значительное количество аргументов, занимающих промежуточное положение между этими группами, однако в целом такое деление вполне отвечает своему назначению.

Риторическими (эмоциональными) называются доводы, которые образуют психологическую часть аргументации речи. Как уже было сказано, они нужны для того, чтобы воздействовать на чувства и желания слушателей. «Образное мышление древнее логического, рассуждающего. В силу этого образы глубоко проникают в сознание, а логические формы остаются на его поверхности, выполняя функцию строительных лесов вокруг здания мысли» [Масарский 2004: 100].

В риториках можно найти подробные описания и классификации видов эмоциональных аргументов [Анисимова, Гимпельсон 2004; Волков 1996 и др.], однако здесь существует та проблема, что ввиду отсутствия универсальной классификации, для каждой частной риторики необходимо составлять отдельный перечень употребительных именно здесь видов аргументов. Чаще всего выделяются психологические доводы, иллюстрации, аналогии, ссылки на авторитет и пр.

Список использованной литературы

1. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. - М.-Воронеж, 2004.
2. Аргументация // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. - Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998.
3. Волков А. А. Основы русской риторики. - М.: Изд. МГУ, 1996.
4. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи 4: Сб. науч. работ. - Саратов: Колледж, 2005.
5. Емерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. - СПб., 1992.
6. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. - М.: Дело, 1998.
7. Ивин А. А. Риторика: Искусство убеждать: Учебное пособие. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
8. Масарский М. В. Убеждающее слово. - М., 2004.
9. Михалкин Н. В. Логика и аргументация в судебной практике: Учебник для вузов. - СПб.: Питер, 2004.
10. Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово. - М.: Просвещение, 1996.
11. Рузавин Г. И. Логика и аргументация. - М.: ЮНИТИ, 1997.
12. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи 4: Сб. науч. работ. - Саратов: Колледж, 2005.
13. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. - М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1998.
14. Цепцов В. А., Куарье П.. Когнитивная модель аргументации // Психологический журнал. - 1997. - Том 18.

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ИНТЕРФЕРИРОВАННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ КОМИ БИЛИНГВОВ

Пунегова Г. В.

Сыктывкарский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н. Цыпановым Е. А. и д.ф.н. Лудыковой В. М.

Работа посвящена исследованию фонетической интерференции в русской речи коми билингвов. Описаны особенности реализации заднеязычных согласных и их вариантов, возникающих в неродной речи коми билингвов в результате

влияния контактирующих языков. Реализация заднеязычных согласных в потоке речи представлена в виде комплекса характеристик по ряду признаков. Совмещение этих характеристик дает наглядную картину общего и особенного в произносительных нормах сопоставляемых языков.

В коми и русском языках заднеязычные согласные отличаются количеством противопоставленных единиц, а также дифференциальными признаками. В состав консонантизма русского языка входят шесть заднеязычных согласных: /g/, /g'/, /k/, /k'/, /x/, /x'/; в коми языке исконно выделяют лишь два - /g/ и /k/.

В неродной речи коми билингвов выявлены отдельные варианты произнесения того или иного сегмента на месте эталонной реализации звуков среди заднеязычных согласных. Кроме того, зафиксированы разные комбинации аллофонов, а также несколько вариантов их произнесения. В отдельных случаях зафиксирован один произносительный вариант сегмента, однако его частотная организованность в речи может значительно превышать всех ненормативных реализаций среди других заднеязычных согласных. Возможные изменения сегментов образуются в речи дикторов вследствие опоры их речи на фонетическую систему родного (коми) языка. Эти варианты произношения представляют орфоэпические и орфофонические особенности согласных.

1. Несоблюдение корреляции твердость-мягкость заднеязычных согласных.

Отсутствие в системе фонем коми языка противопоставления по твердости-мягкости среди заднеязычных согласных приводит к отклонениям в произношении от русской нормы. Воспроизведение в русском языке парных мягких заднеязычных согласных для коми билингвов является сложным явлением практически во всех позициях слова. Стремясь воспроизвести мягкие заднеязычные согласные /g'/, /k'/, /x'/, носители коми языка артикулируют их иначе. Причем искажение звука может передаваться и на следующий за заднеязычным согласным сегмент. Нами зафиксированы следующие отклонения:

а) замена мягких согласных /g'/, /k'/, /x'/ недостаточно мягкими, слабо смягченными сегментами [g'], [k'], [x']. Они встречаются в сочетании с последующими за ними гласными переднего ряда /i/ и /e/. Недостаточная мягкость согласного, как нарушение орфофонической нормы, обнаружена в абсолютном начале слова: [k']uloграммов (Дикт. 1), [k']um (Дикт. 1, Дикт. 3); в середине слова: доч[k']u (Дикт. 1, Дикт. 2, Дикт. 3), электричес[k']ue (Дикт. 1, Дикт. 2, Дикт. 3); в интервокальной позиции слова: стро[g']уй (Дикт. 1, Дикт. 3), вели[k']уй (Дикт. 1, Дикт. 3), тu[x']уй (Дикт. 1, Дикт. 2, Дикт. 3);

б) реализации твердых согласных на месте палатальных. К нарушениям орфоэпической нормы следует отнести замену мягких согласных /g'/, /k'/ на твердые согласные /g/, /k/: стро/g'уй, /k/um, сум/k'e и др. Такое воспроизведение сегментных единиц создает впечатление сильного акцента в речи. Однако эта степень отклонения от русской нормы прослеживалась в единичных случаях. Она составляет лишь 2 % (/g' → /g/) и 3 % (/k' → /k/) по отношению ко всем ненормативным реализациям заднеязычных согласных. Такие отклонения могут оцениваться как индивидуальная особенность речи билингва, поскольку она не свойственна другим дикторам, а наблюдается только в речи Дикт. 2.

Известно, что в фонологической системе коми языка мягкие заднеязычные согласные отсутствуют. Следовательно, в речи коми билингвов возможна реализация недостаточно мягкого согласного, что является нарушением орфофонической нормы. Отклонения от нормы в реализации мягких заднеязычных /g'/, /k'/, /x'/, встречающихся в разных позициях слов, количественно отличаются. Больше всего нарушений при их реализации зафиксировано с отклонением орфофонического характера (свыше 44 %). Реализация слабосмягченных, недостаточно мягких согласных встречается в речи почти каждого диктора, за исключением замены /g'/ на [g'] в речи Дикт. 2, которым данный звук реализован без отклонения от нормы. В реализации мягкого звука /g'/ на слабосмягченный вариант [g'] составил 33 % в речи Дикт. 1 и 3. Реализация недостаточно палатализованного согласного [k'], употребленного на месте мягкого /k'/, составляют - 30 % (в речи Дикт. 2 и 3) - 60 % (в речи Дикт. 1). Существенные отклонения от нормативного произношения зафиксированы при реализации мягкого щелевого /x'/, его реализация (/x'/ на [x']) характеризуется максимальной частотностью среди всех ненормативных вариантов (100 %). Кроме того, в речи коми обнаружена замена мягких заднеязычных согласных на твердый вариант сегмента (характерна для Дикт. 2), что является нарушением орфоэпической нормы. Они составляют лишь 13 % ненормативных реализаций всех мягких заднеязычных согласных.

Таким образом, воспроизведение сегмента, отличаемого по качеству его реализации, может быть вызвано тем, что: во-первых, особенность может быть характерна для одного из дикторов, например, реализация твердых согласных на месте мягких в речи Диктора 2; во-вторых, в одной и той же позиции слова замены могут подвергаться разные по качеству согласные: твердый вместо мягкого, например, замена /k'/ на /k/: электричес/k'ue, или недостаточно мягкий вместо мягкого, например, замена /k'/ на [k']: электричес[k']ue; в-третьих, в речи дикторов наблюдаются разные фонемные замены в соответствии с закономерностями аллофонного варьирования: /g' → /g/ (33 %), /g' → [g'] (33 %), /k' → [k'] (40 %), /k' → /k/ (20 %), /x' → [x'] (100 %).

Ненормативные реализации заднеязычных согласных в речи коми дикторов объясняются их артикуляторными привычками и в различии реализации противопоставления по твердости-мягкости в анализируемых языках. В зависимости от разных условий взаимодействия языков в речи дикторов реализация фонем отличается. Если твердые согласные на месте мягких наблюдаются крайне редко и встречаются только в речи диктора 2 (жителя сельской местности, где чаще звучит коми речь), например: /g/ на месте /g'/ и /k/ на

месте /k'/, то слабосмягченные, недостаточно мягкие согласные на месте мягких встречаются в речи практически всех дикторов и часто. Например, реализация слабосмягченного [g'] на месте мягкого /g'/ - у 1-го и 3-го дикторов, [k'] на месте /k'/ - у всех трех дикторов, [x'] на месте /x'/ - у всех трех дикторов.

2. Несоблюдение оппозиции «звонкость-глухость» заднеязычных согласных.

В русском языке оппозиция звонкость-глухость представлена в двух парах заднеязычных согласных (/g - k/, /g' - k'/) - в паре твердых и мягких согласных. В коми языке противопоставление звонких и глухих заднеязычных согласных на сегментном уровне представлено в паре лишь твердых согласных: /g - k/. Противопоставления в паре мягких согласных невозможно в силу отсутствия этих сегментов в фонетической системе коми языка. Однако с отсутствием противопоставления мягких звонких и глухих заднеязычных согласных в родном языке билингвов не связано явление отклонения от русской нормы. Коми билингвы реализуют их по нормам русского произношения, без нарушения оппозиции звонкость-глухость, однако наблюдаются значительные отклонения при произношении мягких сегментов в оппозиции твердость-мягкость, поскольку согласные русского языка не имеют фонетического соответствия в коми языке.

Чаще всего нарушения оппозиции звонкость-глухость с интерферирующим воздействием коми языка билингвов оцениваются как орфоэпические ошибки, однако не исключены и ошибки орфофонического характера. В русской речи коми зафиксировано 8 ненормативных вариантов из теоретически возможных 79 встречающихся в исследуемом тексте согласных, что составляет более 11 % всех ненормативных вариантов, зафиксированных в нем. Ненормативные реализации фонем (орфоэпические особенности) и (или) оттенков фонем (орфофонические особенности) наблюдаются при произношении твердого заднеязычного глухого сегмента /k/, который в речи билингвов подвержен озвончению (/k/ → [k_v], /g/). Процесс оглушения звонких заднеязычных согласных /g/ и /g'/, как признак ненормативной реализации фонем или их оттенков, в речи дикторов не зафиксирован. Возможно, в русской речи дикторов при передаче озвонченных или звонких в абсолютном исходе слов повлекло влияние коми языка. Поскольку для него закономерно, во-первых, озвончение в позиции абсолютного конца слов перед звонкими шумными последующего слова [СКЯ 1955: 36; Хозяинова 1956: 138; Бараксанов 1964: 44 и др.], во-вторых, в конце слов звонкие шумные согласные коми языка не оглушаются [Бубрих 1949: 8; Бараксанов 1964: 45; Карманова 1994: 9]. Таким образом, в абсолютном исходе слова носители коми языка дикторы реализуют озвонченный вариант согласного - [k_v]: мо[k_v] (Дикт. 3) или звонкий вариант фонемы - /g/: мо/g/ (Дикт. 1, Дикт. 2). Реализацию звонкого согласного /g/ вместо глухого /k/ можно обнаружить также перед глухим щелевым согласным в середине слова: э/g/сперименту (Дикт. 2).

Из анализируемого материала выявлено и явление оглушения заднеязычных согласных. Реализация оглушенного смычного взрывного заднеязычного [g_л] вместо звонкого /g/ зафиксирована в середине слова после звонкого щелевого /z/, реализованного также в оглушенном варианте [z_л], например: pa[z_лg_л]овор (Дикт. 1), а также в середине слова перед смычным взрывным сонантом /n/, например: o[g_л]ни (Дикт. 3). Такие реализации в речи дикторов единичны. Они составляют лишь 4 % отклонений от нормы. Озвонченный и звонкий варианты фонемы (/k/ → [k_v] и /k/ → /g/), создающие собственно нарушения оппозиции звонкость-глухость, составляют 2 % в каждой паре замен.

3. Отклонения от норм произношения реализации заднеязычных согласных в консонантных сочетаниях.

Консонантные сочетания с заднеязычными согласными также представляют для билингвов коми большую трудность их реализации. Следует согласиться с мнением Л.А. Васильевой, что “причинами этих трудностей являются как артикуляторная сложность произнесения этих сочетаний, так и невозможность многих сочетаний согласных в родном языке дикторов” [Васильева 1999: 19].

Известно, что в коми языке из консонантных сочетаний преобладают двухкомпонентные, которые встречаются в интервокальной позиции слова. В абсолютном начале и конце слова такие дистрибуции ограничены. Поэтому при реализации в определенной позиции слова двухкомпонентных консонантных сочетаний, в составе которых имеются заднеязычные согласные, коми билингвы могут испытывать определенные трудности. Однако чаще всего в своей речи они не замечают акцентного варианта произношения, отличающегося от нормы русского языка. Данные частоты характеризуют тип отклонений не только как частотный, имеющий довольно большое количество ненормативных реализаций (21 случай из 108 теоретически возможных в тексте, что составляет более 19 %), но и многовариантный, поскольку на один сегмент приходится до трех ненормативных вариантов согласных, например: /k/ → [k_v], [k^b], [k[~]].

В категории отклонений консонантных сочетаний выделены два типа ненормативных реализаций, заключающихся в упрощении стечений согласных. Упрощение характеризуется как выпадением одного из звуков в сочетании, так и путем гласной вставки в стечениях согласных. Кроме того, зафиксирована реализация краткого сегмента в составе консонантного комплекса лексемы.

Выпадение заднеязычного смычного /k/ обнаружено в тех сочетаниях согласных, которые размещаются в начале слова: с[$\frac{\text{л}}{\text{л}}$]возь (Дикт. 1); в середине слова: фун[$\frac{\text{л}}{\text{л}}$]циш (Дикт. 1, Дикт. 3); на стыке служебного и знаменательного слов: [$\frac{\text{л}}{\text{л}}$] разговорам вместо к разговорам. Такие типичные ненормативные реализации характерны для всех коми, поскольку в их родном языке отсутствует или встречается крайне редко комплекс сочетания согласных более чем из трех последовательностей. На стыке знаменательных слов при их слитном произношении, чаще в конце слова перед предшествующим, выпадает заднеязычный щелевой /x/ после гласных /i/ и /ы/, например: о различны[$\frac{\text{л}}{\text{л}}$] странах (Дикт. 2, Дикт. 3), о первы[$\frac{\text{л}}{\text{л}}$] годах (Дикт. 3), о

внешни[$\frac{h}{h}$] связях (Дикт. 2), необходимы[$\frac{h}{h}$] для механизации (Дикт. 2.). Возможно, такое произношение встречается при беглом чтении, когда нет необходимости сделать паузу. В том случае, если в потоке речи после знаменательных слов, оканчивающихся на заднеязычный /x/, пауза необходима, коми билингвы реализуют звук без его утраты, например: 'У нас достаточно много пишут о внешних связях/x/, необходимых для механизации в объединениях заводов'; 'Я отыскал в дорожной сумке книгу о животны/x/, которую купил для дочки ...' и др.

Реализация с гласной вставкой в скоплении согласных чаще всего встречалась в речи Дикт. 2, например: с[k^b]возь, о[g^b]ни, э[g^b]сперименту.

В реализации консонантных сочетаний наблюдается произношение краткого заднеязычного согласного. Например, в середине слова между согласными: с[k^h]возь (Дикт. 3), повер[x^h]ностью (Дикт. 1, Дикт. 3); в середине слова после гласных перед согласными: эле[k^h]трические (Дикт. 3); на стыках лексем: необходимы[x^h] для механизации (Дикт. 1), различны[x^h] странах (Дикт. 1), о внешни[x^h] связях (Дикт. 1) и др. Полусегментный вариант реализации заднеязычного согласного зафиксирован в потоке непрерывной речи билингва, в частности, в той позиции, где отсутствует пауза.

4. Отклонения от норм произношения заднеязычных согласных, заключающиеся в их замене на другой сегмент.

Из особенностей произношения отдельных заднеязычных согласных следует отметить реализацию фонемы /x/ в речи коми дикторов, акцентные черты которой наблюдаются в замене на другой согласный: /x/ → /j/, /k/, [k_v]. Они составляют ≈ 17 % от всех ненормативных реализаций. Зафиксированные замены не устойчивы, поскольку в речи дикторов часто можно было встретить разные фонемные замены на один и тот же сегмент в одном и том же слове. Один из дикторов может реализовать на месте /x/ согласный /j/, второй - /k/, третий - [k_v], не исключена и эталонная реализация. В исследуемом тексте они зафиксированы в следующих реализациях: /x/ → /j/: о различны/j/ странах (Дикт. 3); замена /x/ на /k/ наблюдалась довольно часто, как в начале слова, например: /k/удожник (Дикт. 3), так и в середине слова после согласных перед гласными: не-об/к/одимых (Дикт. 3) и после гласных перед согласными: со/к/ранить (Дикт. 3); /x/ → [k_v]: в ни[k_v] защищают (Дикт. 1). Из приведенных примеров и данных частоты ненормативных реализаций видно, что замена /x/ на другой сегмент встречается чаще всего в речи Дикт. 3, однако также относится к числу нерегулярных и малочастотных: /x/ → /j/ (в 1 случае из 29, что составляет ≈ 3 %), /x/ → /k/ (в 3 случаях из 29, что составляет ≈ 10 %). Замена /x/ на [k_v] в речи Дикт. 1 составляет 3 % (1 случай из 29). В большинстве случаев трудно объяснить возникновение разных фонемных замен (/j/, /k/, [k_v]) вместо одного и того же сегмента - щелевого /x/, они также не всегда регулярны. Мы считаем, что отклонения орфоэпического (/x/ → /j/, /k/) и орфофонического (/x/ → [k_v]) характера замены сегмента на другой согласный объясняются трудностью усвоения заднеязычного /x/, который отсутствует в фонетической системе родного языка билингвов.

Таким образом, из исследуемого материала выявлено:

1) в фонетической системе коми и русского языков заднеязычные согласные отличаются количеством противопоставленных единиц (в русском - 6, в коми - 4) и дифференциальными признаками;

2) зафиксировано 57 случаев отклонений от нормы заднеязычных согласных из 369 (в речи 3-х дикторов) теоретически возможных заднеязычных согласных, встречающихся в тексте (≈ 15 % всех ненормативных вариантов);

3) отклонения в воспроизведении заднеязычных согласных составляют ≈ 15,66%, в том числе: Диктор 1 - 18 случаев ненормативных реализаций из 123 (≈ 15 %); Диктор 2 - 17 из 123 (≈ 14 %); Диктор 3 - 22 из 123 (≈ 18 %);

4) максимально вариантными являются заднеязычный щелевой /x/ и смычный взрывной /k/. Они имеют следующие замены: /x/ → /k/, /j/, [k_v], [$\frac{h}{h}$], [k], [x]; /k/ → /g/, [k_v], [$\frac{h}{h}$], [k], [k^b]. К минимально вариантным, имеющим один тип замен, относится мягкий щелевой /x' (/x' → [x^h]) и составляет 100 % замены на полумягкий тип фонемы; по два типа замен имеют мягкие смычные взрывные /g' (/g' → /g/, [g^h]) и /k' (/k' → /k/, [k^h]); в речи Дикт. 1 и 3 всегда нормативен твердый заднеязычный смычный /g/, однако в речи Дикт. 2 в скоплениях согласных после заднеязычного /g/ наблюдается гласная вставка (/g/ → [g^b]);

5) обнаружено 23 варианта замен по признаку твердости-мягкости согласных, из них отклонений орфоэпического характера - 3 (13 %), отклонений орфофонического характера - 20 (87 %);

6) при произношении мягких заднеязычных /g', /k', /x'/ зафиксирована их замена на слабосмягченные или твердые согласные [g^h], [k^h], [x^h], /g/, /k/; замена твердых на недостаточно твердый или мягкий сегмент не наблюдается;

7) зафиксированы варианты ненормативного произношения по звонкости-глухости. Глухой согласный обычно заменяется на озвонченный или звонкий: /k/ → [k_v], /g/. Звонкий заднеязычный согласный оглушению не подвержен;

8) наблюдаются ненормативные реализации в стечениях согласных, выражающиеся: а) отсутствием одного из согласных: /k/ → [$\frac{h}{h}$], /x/ → [$\frac{h}{h}$]; б) гласной вставкой после сегмента в скоплении согласных: /k/ → [k^b], /g/ → [g^b]; в) реализацией кратких заднеязычных фонем: /k/ → [k^h] и /x/ → [x^h];

9) наблюдается замена заднеязычного щелевого /x/, отсутствующего в фонетической системе коми языка, на другой сегмент: /x/ → /k/, /j/, [k_v];

10) степень отклонения от произносительной нормы в речи дикторов составляет: Дикт 1. - 14,63, Дикт. 2 - 13,82, Дикт. 3 - 17,88 %. Отклонения от нормы говорят о том, что они связаны со спецификой родного языка билингов, который имеет определенные закономерности реализации заднеязычных согласных, отличающихся от закономерностей реализации в русском языке.

Список использованной литературы

1. Бараксанов Г. Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. - 64 с.
2. Бубрих Д. В. Фонетика // Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. - С. 5-13.
3. Васильева Л. А. Особенности реализации сочетаний согласных в интерферированной русской речи: Материалы XXVIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. - СПб., 1999. - Вып. 10. Секция фонетики. - С. 17 - 21.
4. Карманова А. Н. Современный коми язык: Учебное пособие по спецкурсу. - Сыктывкар, 1994. - 73 с. - 3-е изд., доп.
5. Современный коми язык / Под ред. В. И. Лыткина. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. - 311 с. - Ч. 1. Фонетика. Лексика. Морфология.
6. Хозяинова Э. Е. Фонетическая система коми языка // Родной и русский языки в школах народов финно-угорской группы: Сб. статей. Пособие для учителей. - М., 1956. - С. 118 - 146.

СМЕРТЬ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПЕЙЗАЖА ВОЙНЫ

Рабкина Н. В.

Кемеровский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Тиуновой С. П. и к.ф.н., доц. Кузнецовым Д. В.

Статья посвящена анализу мотива смерти в составе хронотопа войны на материале англоязычной поэзии XX - XXI вв. с опорой на героический эпос разных народов, англоязычные баллады средневековья и свидетельства очевидцев войн. В рамках мотива смерти как составной части пейзажа войны рассматриваются три аспекта: мотив смертоносности стихий, представление войны через метафору земледельческого труда и образ птицы-падальщика.

В данной статье содержатся результаты диссертационного исследования по теме «Концепт WAR (война) в диахроническом аспекте (на материале англоязычной военной поэзии)». Материалом для исследования послужила поэзия, посвященная войнам XX - XXI вв.: от всемирно известных произведений британских поэтов Первой мировой войны до современного творчества резидентов антивоенных сайтов Интернет типа «Poets against War» (далее: PAW). В поисках подтверждения культурной и диахронической преемственности внутреннего наполнения концепта «WAR» мы также обращаемся к текстам высокой культурной значимости, определяющим мировоззрение носителей языка (древнегерманской мифологии, эпическим сказаниям, текстам Библии), а также к мифологии и эпосу неанглоязычных культур, что позволяет доказать универсальность тех или иных мотивов. Мы исходим из предположения, что англоязычный поэтический дискурс, тематически объединенный концептом WAR, содержит особую модель мира, исследуя которую, можно описать внутреннее содержание концепта WAR. Анализ повторяющихся мотивов поэтических текстов разной временной отнесенности позволяет выявить пространственно-временные, причинные, этические, персонажные параметры этой модели. Под мотивом мы, вслед за С. Г. Проскуриным, понимаем обозначение общего содержания (ядра) нескольких культурных сопоставимых тем [Проскурин 1991: 124].

Существует несколько типичных для военной поэзии мотивов, которые повторяются в плане диахронии практически без изменений, подвергаясь под влиянием специфики той или иной войны незначительным модификациям. Одна из таких тем - смерть как неотъемлемая часть пейзажа в пространстве войны. Концепт WAR предстает в виде некоего единства времени и пространства, аналогичного понятию хронотопа в литературоведении, где он понимается как существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений [Бахтин 1979]. Пространство войны может быть описано изнутри, как некий пейзаж. В европейском героическом эпосе пейзаж - или враждебная природа, усугубляющая муки воина, или краткое указание на фон кровопролитного боя, который либо гармонирует с ужасами битвы, либо ярким солнечным светом контрастирует [Сабанеева 2001: 38]. В древнейшей англосаксонской литературной лирике с ее отождествлением макрокосма и микрокосма место действия всегда обусловлено душевным состоянием лирического героя: это максимально противопоставленное дому пространство, ассоциирующееся с несчастьем, смертью [Матюшина 1999: 14].

Пейзаж войны (*war landscape*) пронизан смертью. Смерть - его составная часть (*landscape of dying, fields of bones*). Повсюду не захороненные изувеченные тела (*broken bodies, ripped / torn body, cavity of ribs and organs*), оторванные конечности (*discrete pieces, flaccid broken limbs, blackened hand, legs lopped off, decapitated hands and hearts*), внутренности (*coils of colon slick and gleaming, agonizing *debridements* (от *debride - выделять*). Все мертво, и ничто не движется, так как движение - признак жизни, как в этом примере из поэзии, посвященной войне в Ираке: «*And nothing moves / Everything explodes / Everything dies / But nothing moves*» (PAW: *Victory, R. Edmiston*). Подобную характеристику пейзажа мы обнаруживаем и в документаль-